

ВНЕБР@ЧНЫЕ ИГРЫ

Дневники превратились в блоги, письма - в смс-ки, имена – в ники, а лица - в аватары. Отношения оцифрованы, чьими-то невидимыми руками разложены по папкам с паролями и ждут своего часа.

Когда пробьет твой час, ты будешь метаться и сходить с ума от страха...

Посвящается Алексею и Людмиле

Глава 1. Почти никто

Взрослые игры, такие прямолинейные – все об одном: раздеть девчонок, заставить мужчин махать меж ног гирькой, привязанной к поясу, а также притираться вторым к первым то в ритме танго, то «ламбады»...

Люба читала сценарий сегодняшней вечеринки и грызла яблоко. Яблоко плевалось соком на распечатку сценария, но последний был достоин отнюдь не яблочного сока. Ее ручка устала маркировать в тексте грамматические ошибки, глаза болели от напряженного чтения плохого текста на газетной бумаге, которую исклевала чья-то допотопная пишущая машинка. Самым забавным в Любином занятии были встречи с очередной «Ё» в тексте. Буква «Е» у автора безбожно заедала, потому он заменял ее этой хорошо забытой русской литерой. Так в сценарии появлялись «две девушки», «ведущий» и полная иронии отрицательная частица «нё».

Утомившись от авторского маразма, Люба направилась в кабинет Левки. Так и хотелось дописать точки на табличке его кабинета: «Еремеев Лёв Сергеевич».

-Как тебе творение нашего гения? – поинтересовался Левка. За полчаса до Любы он пробежал глазами сценарий.

-Пора закрывать с ним контракт. Мне уже костью в горле этот талантище. Получает по пять тысяч за сценарий, а не может компьютер купить и печатать как все нормальные люди.

-То есть содержание тебя устраивает? – поддел Лева. Он по привычке ерзал в своем крутящемся кресле: 90 по часовой, 90 против часовой...

-Содержание все равно переписывать. Слушай, может, мне самой с нами контракт заключить?

-Я тебе давно говорю, брось бесплатно стараться. Найди подставное лицо, оформи с ним контракт и получай денежки...

-Дёнежки, - задумчиво проговорила Люба.

-Ты здесь сегодня обедаешь? – спросил Левка. («Как всегда», - него улыбулась она). – А то поехали, конкурентов промониторим. У меня, если честно, изжога от нашего бизнес-ланча.

-А ты не пробовал вместо второго второго, например, салат заказывать? – съехидничала Люба. Левка съедал за обедом столько же, сколько весь «офисный» девичий коллектив: Люба, Маринка-Седая и Маринка-Мальвинка.

-Салат отдай врагу, - заключил Левка. – И лучше в лицо.

С этими словами на полуповороте кресла он глухо стукнулся коленом о стол, зажмурился, а когда открыл глаза, Любы уже не было в кабинете.

Маринка-Мальвинка была бухгалтером, единственным и потому главным, а бухгалтер в досуговом заведении должен отличаться от прочих бухгалтеров своей экстравагантностью. Поэтому Маринка носила голубые волосы, точнее, фиалковые – с сиреневым отливом. Второй ее особенностью было умение ругаться залившимся матом. Бывало, подрядчики по телефону выслушивали такие небоскребы, что зависали минут на пять... Когда Люба вошла в Маринкин кабинет (не совсем кабинет – закуток между приемной директора и лестницей), фраза явно была на середине... До ее окончания Люба успела разглядеть себя в зеркало и отметить, как все-таки удачно ее подстригли неделю назад... Почти невидимые морщинки под глазами... еще лет десять – и закончится не только комсомольский возраст, как теперь, - закончится вся молодость с ее взрывами и весной, и тогда начнутся совсем другие проблемы и кабинеты...

-Привет, - закончила телефонный разговор Маринка-Мальвинка и обратилась к Любе. – Ты мне подотчет за март когда сдашь?

-В апреле, видимо, - ответила Люба («Привёт... подотчёт...»)

-В каком апреле, уже двадцать девятое! Брянский блин, тоже мне творческая личность...

Люба поняла, что сейчас не лучшее время для разговора об оформлении контракта.

-Зеркало у тебя красивое, Марина. Ты заходи, если что – чаю попить...

Такого гипнотического отпора Мальвине не давал никто, кроме Любы. На этом строилось их взаимное уважение и возможность пить чай вместе.

-Вы кто? С кем я разговариваю? – проорали в трубке. Чудная манера представляться для начала телефонного разговора.

-Арт-директор, - ответила Люба с улыбкой. Она предвкушала интересный разговор.

-Вот вы директор, вы и разберитесь, почему у вас не принимают товар, говорят, что накладные завтрашним днем выбиты. Мы вам машину с товаром отправили еще в восемь утра, а она до сих пор не разгружена стоит!

Разговор явно удавался. Люба еле сдерживалась, чтобы не хрюкнуть в телефон.

-Я переключу вас на приемщика, хорошо? Одну минуту...

Люба поймала себя на том, что совершенно не хочет работать. Сценарий дерьмо, переписывать его бесплатно и платить деньги знаменитому чуду было противно, а остальная работа была настолько мелкой, неартистичной и потому запущенной – отчет за апрель, подотчетные, план на май и графики арт-программ на июнь...

Она надела пальто, переобулась и, оставив сумочку на стуле, вышла узкими коридорами и лестницами на улицу – на задворки крупнейшего в городе развлекательного центра с рестораном, кинотеатрами, боулингом и чего там еще только душе захочется...

Резкий, но уже теплый апрельский ветер бросил пыль ей в лицо, и сразу закололо в глазах – контактные линзы не терпят ни пылинки. Слезы, нужны слезы, побольше, как Левка просит побольше обеда... Главное – не допускать настоящих слез, потому что остановить их – она точно знает – не может никто. Почти никто.

Почти Никто позвонил через десять минут. Мелодия его звонка на Любином мобильном иногда снилась ей во сне, - тогда она пыталась выкарабкаться из глубокой

дремы и протянуть руку к столику у кровати...

-Салют, как успехи? – как всегда, задумчиво спросил он.

-Отлично, вся в работе, вся кипю... - то ли искусственно раскочегаривая свое настроение, то ли наблюдая, как оно само поднимается, ответила Люба.

-Я сейчас подъеду, ага? Ты представляешь, оказывается, человеку, который работает головой, надо всего на 300 калорий больше, чем тому, кто только лежит на диване и ничего не делает!

-Это смотря какой головой работать, - отозвалась Люба. – Если моей, то меньше. Если твоей – больше в два раза.

-А если мяч головой забивать – так это в пять раз, наверное... Ну, в общем, я уже выехал.

Они сидели в ресторане Любиного центра, ожидая свои обеды... Это было одним из ее условий полгода назад, когда она переходила на работу сюда, в «Комильфо»: в зарплате не выиграла, но обед на двоих бесплатно... Он приезжал к ней нечасто, сидел часа по полтора, неторопливо поедая первое, второе и Любу. Она странно холодела от его присутствия – и не кокетничала, не хохотала с вызовом, как бывало раньше, а просто пила его, как столовую воду – мелкими глотками, растягивая на полтора часа.

-Чем сейчас занимаешься? – он первым начинал разговор, подбрасывая тему, упорно спорил, потом отпуская...

-Как обычно – готовлю вечеринки. Сегодня на планерке подкинула идею рекламной кампании к выпускным праздникам.

-Молодец, - оценил он. – Выпускные для вас – золотое дно, да?

-Не знаю, - тихо улыбнулась она. – Я еще не почувствовала на себе всю сезонность. Надо проработать в компании год, пережить с ней все праздники, чтобы смело заявлять: я знаю об этой компании всё.

-Год – это мало, – ответил он, посерьезнев и глядя в окно, вниз на широкую панораму города в его апрельской предливственной серости.

-Нужно прожить с женщиной ночь, чтобы узнать, какой он любовник. Нужно прожить год, чтобы узнать, какой он муж. Нужно прожить с ним жизнь, чтобы узнать, какой он человек...

Он хмыкнул, покачал головой и принялся за суп. Его жена, конечно, не знает, какой он человек... А может, Люба просто выдумала эту «мудрость», как выдумала легенду о своем японском происхождении и множество других идей, полезных и бесполезных.

Маленькая, худенькая, – одно ее пальто весило меньше, чем его пиджак. Она так трогательно брала его за руку, когда они переходили улицы, – тогда, когда они еще изредка прогуливались вместе. Она хваталась за его руку как за последнюю возможность, но при этом решительно и отчаянно переходила дорогу в самом неподходящем месте. Каждый раз, проходя мимо этих перекрестков, он вспоминал ее пальцы.

-А я вот увольняюсь, представляешь? – он то ли просил ее сочувствия, то ли собирался сказать что-то еще более важное...

-Где твое новое место? – спросила она тихо.

-Пока нигде, - ответил он, улыбаясь, и стала явной причина его увольнения... Собственники уже тогда, полгода назад, когда увольнялась Люба, были недовольны его работой, как, впрочем, и работой всех его предшественников.

-Поздравляю! – и Люба улыбнулась так же широко, как и он. – Теперь у тебя

начнется новая жизнь. У меня после «Седьмого канала» жизнь пошла круто вверх!

Ухмыльнулся и потрепал ее по волосам. Она лгала, эта девочка, мужественно задиравшая носик в самые тяжелые минуты.

-Молодец, ты все время улыбаешься! К тебе как ни заглянешь в кабинет – все улыбается, радуется чему-то... Молодец!

Она радовалась ему, конечно. Он редко заглядывал в ее кабинет или вызывал к себе, и тогда грузил тяжелыми задачами, которые были не под силу самым матерым продавцам...

«Нам надо забирать деньги у наружников. Посмотри, какие деньги тратят на аудитор! При том эффективность этого носителя намного ниже, ты же сама это понимаешь! Вот ты и придумай, как переубедить рекламодателей».

Война – ее стихия: на войне, – рыночной, естественно, войне, – в крайних и невозможных условиях она могла победить, и сияла, приближаясь шаг за шагом к поставленной цели, чеканя на его вопрос «как продвигается дело?» - свое победное «Все отлично! К вечеру будет результат!». Вот чем можно было ее мотивировать – сложностью задачи, и почему-то никогда Люба не жаловалась и не искала причин для неудачи.

-Не хочу идти на работу, - сообщил он, когда последняя посуда была убрана с их столика. – Так хорошо с тобой тут сидеть...

Он взял ее руки, держал и смотрел в глаза, и Любе больше всего хотелось заморозить вот это свое состояние, законсервировать в стеклянной банке, чтобы открывать и принимать по капле в те часы, когда маленький огонек внутри становился исчезающее крошечным, способным погаснуть от малейшего движения воздуха.

-Здесь сквозняк, - заметила она.

-Ой, бедная, - пожалел, - давай пересаживайся сюда, ко мне.

Она пересела, и он обнял ее, зарылся носом в волосы.

-Ты хорошо пахнешь, - сказал и, подумав, добавил, - А может, сейчас поедим туда, в наше место?

Это были слова, которых она ждала по три месяца, а бывало, и дольше. Ради них она каждое утро придирчиво оглядывала себя в зеркало в ванной, ради них соблюдала все тайные дамские ритуалы: депиляция, солярий, изящное белье.

Это были слова, которых она никогда уже и не надеялась услышать снова, приказывая себе прекратить всяческие сопли и поднося колпачок к дотлевающей свечке...

Это были слова, которые выключали ее из этой жизни и включали на земле рай, и от ее маленького огонька разгорались сложные россыпи свечей в канделябрах всех ее шести чувств, и в ее огромном зале из зеркал и золота начинался настоящий бал...

Едва за ними закрывалась дверь гостиничной комнаты, как она переставала обращать внимание на такие глупости, как ворс чужих полотенец, запах чужих простыней, стук чужой кровати. Она словно под одеяло, забиралась, казалось, под самую его кожу, в самое его тепло, растворяясь в его большом теле. Она хотела все и сразу, и он даже смеялся иногда: успеет, куда ты торопишься?! И в перерывах она не могла оторваться от него, целуя его лицо – глаза, нос, губы и подбородок. Огромный колючий подбородок с вечно плохо выбриваемой глубокой ямочкой, который она сосала, как леденец, обсыпанный жестким сахаром...

Время проходило так быстро, что хотелось заглянуть под крышку часов: кто там подводит стрелки?

Люба вернулась на работу совершенно расслабленная от своего маленького, но

долгожданного счастья. Телефон в ее сумочке все это время надрывался, и батарея почти села: муж искал ее с обеда.

-Ты почему трубку не берешь? – закричал он, как только она набрала его номер. – Я тебя уже потерял, думал, что-то с тобой случилось.

-Не волнуйся. Я была на выезде. Телефон в кабинете забыла, - ответила Люба.

-На каком еще выезде? Куда ты ездила? – заводился муж.

-Ездила к одному танцевальному коллективу, тебе-то какая разница?

-Я тебя потерял! Я волновался! Думал, что-то случилось! – повторял муж с раздражением. – Ты когда дома будешь? У тебя рабочий день полчаса назад закончился!

-Не знаю, - отозвалась Люба. – Я только вернулась, у меня еще куча офисной работы. Надо срочно отчет сдать.

-Ничего не знаю, иди домой, короче! А то я позвоню сейчас твоему начальнику... - не унимался супруг.

-Звони, - отрезала Люба и бросила трубку. Однако через полминуты телефон зазвонил снова.

-И не смей трубку кидать! Слышишь? Иначе я тебе по городскому звонить начну!

-Прекрати истерику, - попросила Люба. – Зачем ты звонил? У меня батарейка сейчас сядет!

-Я хотел узнать, собираешься ты домой или нет!! Кирюха уже три раза спрашивал, когда мама придет!

-Я ответила тебе. Теперь я могу положить трубку?

-Нет, ты не ответила!...

Это разговор мог продолжаться часами. Люба прекрасно знала весь сценарий. Бросить трубку было невозможно, потому что начнутся звонки на городской.

Дома предстоит очередной тяжелый разговор. Люба постоянно задерживалась на работе, и ее редкая тайна была тут совершенно ни при чем. При чем был только Любин трудоголизм.

Запуск новой программы, конечно, может пройти без ее автора, но как автор узнает о том, что понравилось посетителям, а что нет? Конечно, Люба старалась отсматривать свои программы в работе; хотя бы раз в неделю для этого приходилось оставаться после девяти, а девять – это только начало...

Когда ее спрашивали, как относится муж к ее графику, - отвечала, что он уже привык. Муж и вправду чаще всего с пониманием относился к ее напряженной работе, даже почти уже не обижался, когда в ответ на «поговори со мной... расскажи мне что-нибудь» слышал: «Я за день столько наговариваюсь, что язык к вечеру не ворочается», - но стабильно, раз в месяц, его толерантность давала сбои.

В таком случае летели чашки, жмурился и дрожал в соседней комнате Кирюшка, больше всех доставалось телевизионному пульта – он был перемотан скотчем многих, многих лет, как все отношения Любы с мужем – перемотаны до следующего раза...

Полный текст на <https://proza.ru/2019/03/28/1720>